

ВЛАДИМИРЪ ВАРШАВСКІЙ
О «ГЕРОѢ» ЭМИГРАНТСКОЙ
МОЛОДОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

Существуетъ ли эмигрантская молодая литература?

Въ началѣ этого года, выступая публично одинъ деликатный человѣкъ, сказалъ: «помилуйте, за столько лѣтъ одинъ романъ, три рассказа!»

Но все — таки она существуетъ. И совсѣмъ не важно, что никто изъ эмигрантскихъ молодыхъ писателей не пишетъ «много и хорошо». Это скорѣе признакъ «справедности», и вотъ почему...

Кто является героемъ этой литературы?

Самый заядлый марксистскій критикъ сломить ногу, пытаясь опредѣлить классовую принадлежность Аполлона Безобразова, или того «я», отъ имени котораго ведется рассказъ въ романахъ Шаршуна, Фельзена, Газданова и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ авторовъ.

Это дѣйствительно какъ бы «голый» человѣкъ, и на немъ нѣтъ «ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы». Вѣрнѣе, это человѣкъ одѣтый какъ — то очень безформенно, произвольно и случайно. Въ социальномъ смыслѣ онъ находится въ пустотѣ, нигдѣ и ни въ какомъ времени, какъ бы выброшенъ изъ общаго социальнаго міра и предоставленъ самому себѣ.

Это — «праздный» и «лишенный развлечения» эмигрантскій молодой человѣкъ (т. е. лишенный того развлечения, которое даютъ участіе въ работѣ и жизни другихъ людей, возможность приложить свои силы къ отвѣтственной передъ людьми дѣятельности). Его умъ лишень огромной части того матеріальнаго содержанія идей и интересовъ, которыя развлекаютъ сознанія людей находящихся и дѣйствующихъ въ опредѣленной социальной средѣ. По словамъ Паскаля изъ глубины души такого человѣка устраненнаго изъ исторіи и выброшеннаго изъ движенія социальной жизни съ ея страстями и конкретной дѣятельностью неизбѣжно должны подняться пустота, скука и отчаянье.

Давящее чувство небытія, тоска по какой — то дали и слова Гамлета «пала связь временъ» — вотъ вѣроятнo весь «составъ» сознанія такого человѣка.

Правда, такіе талантливые молодые авторы, какъ напримѣръ Зуровъ, Роцинъ, Сиринь и нѣкоторые другіе никакъ не начинаются съ этихъ словъ.

Но нужно сказать, что это скорѣе какъ бы молодое поколѣніе школы «старшихъ», эмигрировавшихъ, а не эмигрантскихъ писателей. Вотъ почему не смотря на свои достоинства они не представляютъ интереса для спеціально-го изслѣдованія о герояхъ эмигрантской литературы.

Я уже говорилъ о «составѣ» сознанія этого героя. Это пустота и скука, тоска по какой - то дали и вопросы Гамлета.

Уже не разъ критики говорили о «скучающихъ» молодыхъ поэтахъ и писателяхъ. Почему - то они всегда это говорятъ съ осужденіемъ и даютъ педагогическіе совѣты. По ихъ словамъ: «это никому не интересно». Конечно, они правы — врядъ - ли эти уединенные эмигрантскіе молодые люди съ душою Гамлета могутъ быть интересны и нужны человѣчеству, двигающемуся черезъ ужасъ исторіи, черезъ проклятіе «въ потѣ лица», черезъ страданія и смерть и не имѣющему времени заниматься праздными вопросами Гамлета.

Все это вѣрно — но все таки Гамлетъ пребываетъ всегда, и «составъ» сознанія молодого эмигрантскаго человѣка съ «литературной» душой — есть вообще судьба человѣка. Такъ какъ съ каждымъ человѣкомъ (хотя бы потому, что «*on mourra seul*» бываетъ, что жизнь какъ бы останавливается и вдругъ ему нечего дѣлать, онъ одинокъ и для него разрушается смыслъ всей его прежней дѣятельности и дѣятельности всѣхъ другихъ людей, вообще смыслъ сотворенія міра. Тогда этотъ составъ входитъ въ душу человѣка съ какой то печальной механической неизбѣжностью.

И здѣсь нужно признать, что эмигрантская молодая литература не по своей талантливости и достиженіямъ, а какъ бы по своему типу, какъ документъ, какъ свидѣтельство, имѣетъ отношеніе къ чему то важному и имѣющему значеніе и интересъ для всѣхъ. Такъ какъ по словамъ Розанова: «всѣ религіи пройдутъ, а это останется: просто сидѣть на стулѣ и смотрѣть въ даль».

И потомъ еще — все-таки Гамлетъ слышалъ въ своей пустотѣ голосъ духа:

Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ.

Пока есть память въ черепѣ моемъ.

И здѣсь опять эмигрантская литература касается чрезвычайно важнаго вопроса. Лишенная всего социальнаго и внѣшняго она неизбѣжно обращается къ «внутреннему» человѣку. Но существуетъ ли дѣйствительно внутренний человѣкъ и можетъ ли онъ услышать голосъ духа.

Прочтя въ одной евразійской книгѣ фразу: «кто знаетъ, быть можетъ, для будущихъ поколѣній наглядный опытъ съ такой же очевидностью будетъ

говорить нѣчто, совершенно противоположное воззрѣніямъ, которыя до сихъ поръ казались неоспоримыми: что общество есть нѣчто первоначальное, а отдѣльныя личности, духовныя монады — только производныя части, несамо-стоятельныя величины», или у Поля Валери:

«qui se confesse ment et fuit le véritable vrai lequel est nul, ou informe, et en général indistinct»,

не говоря уже о большевистскомъ «безсмертномъ коллективѣ», я долго съ грустью думалъ, что уже «доказано», что человѣческая личность съ ея чувствами, страданіями и надеждами реально не существуетъ, и если отнять отъ человѣка все то, что дало ему общество и культура, то отъ человѣка ничего не останется, какое — то пустое мѣсто.

Мнѣ это было обидно, но я не зналъ что можно отвѣтить на почему-то всегда радостныя торжествующіе «антропофагическіе» крики.

Но потомъ я прочелъ статью Шестова «познай самого себя»: Къ сожалѣнію, я не могу приводить слишкомъ длинныхъ цитатъ. Но вотъ, кажется, самое важное: «ясно, что правило «познай самого себя» есть правило человѣческое. Смыслъ его въ томъ, чтобы каждый цѣнилъ и мѣрилъ себя такъ, какъ его цѣнятъ и мѣряютъ окружающіе люди. То — есть, чтобы онъ не чувствовалъ себя такимъ, какой онъ на самомъ дѣлѣ, а разсматривалъ только свое изображеніе, какъ оно отражается на поверхности бытія, т. — е. интересовался не своимъ Дингъ анъ зихъ, выражаясь языкомъ Канта, а только своимъ «явленіемъ». И въ теченіе вѣковъ общественность добилась своего. Человѣкъ, принужденный всегда «познавать самого себя», т. е. разсматривать только свое изображеніе, научился видѣть свою «сущность».

Теперь мнѣ кажется, что можетъ быть ничего не «доказано», но происходитъ борьба, борьба за «сущность» человѣка, за человѣческую душу, со всѣми ея чувствами и стремленіями, хотя бы «историческій матеріализмъ» и доказалъ, что ея нѣтъ или что она вредна и потому подлежитъ искорененію.

И вотъ, выброшенный изъ жизни другихъ людей герой эмигрантской литературы, котораго окружающіе люди ничѣмъ не цѣнятъ и не мѣряютъ, который (въ социальномъ смыслѣ во всякомъ случаѣ) не имѣетъ никакого опредѣленнаго отраженія на поверхности бытія, невольно начинаетъ интересоваться своимъ Дингъ анъ зихъ и тѣмъ самымъ становится противъ общественности на сторону «сущности».

Этимъ и объясняется праведная бѣдность эмигрантской молодой литературы. Если литература, какъ всякое другое выраженіе жизни, есть «фигляръ неистово шумящій на подмосткахъ», то въ эмиграціи зрителей почти

нѣтъ, подмостки освѣщены призрачнымъ и умирающимъ свѣтомъ, и поэтому въ эмигрантской литературѣ съ самаго начала присутствуетъ та мертвая тишина, которая въ жизни человѣка существующаго въ нормальныхъ социальныхъ условіяхъ начинается только «черезъ часъ». Въ самомъ дѣлѣ: читателей нѣтъ, издателей нѣтъ, нѣтъ литературы какъ опредѣленной общественной категоріи, нѣту вообще социального воздуха и поэтому тѣмъ кто хочетъ писать хорошіе рассказы и повѣсти такъ сказать «нормального беллетристическаго типа» дѣлать въ эмигрантской молодой литературѣ нечего.

Въ извѣстномъ смыслѣ она существуетъ именно потому, что ея нѣту, нѣту какъ матеріала для историко - литературныхъ и формально - критическихъ изслѣдованій, нѣту какъ общественнаго факта, вообще ея нѣту на поверхности бытія. Въ какомъ то смыслѣ она существуетъ почти только какъ ненаписанная бѣлая страница. И тѣмъ не менше она существуетъ реальнѣе чѣмъ многіе «факты» и находясь на сторонѣ «сущности» противъ общественности тѣмъ самымъ является современной литературой.

Такъ какъ именно сейчасъ, на порогѣ огромныхъ «ассирійскихъ» измѣненій входящихъ въ міръ, происходитъ какъ бы послѣдняя трагическая и безвыходная борьба за человѣческія души, борьба между уничтожаемой сущностью и торжествующей общественностью.

Я думаю, что для того чтобы понять «мѣсто» молодой эмигрантской литературы, необходимо хотя бы приблизительно представить себѣ характеръ этой борьбы.

Здѣсь мнѣ придется начать очень издалека и для того, чтобы не быть голословнымъ, пользоваться цитатами.

Исполить о картинѣ «снятіе съ креста», которую онъ видѣлъ у Рогожина, говорить: «природа морщится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмого звѣря, или, гораздо вѣрнѣе, хоть и сказать странно, въ видѣ какой - то громадной машины новѣйшаго устройства, которая бессмысленно захватила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣльное существо, которое одно стоило всей природы и всѣхъ ея законовъ, которая и создавалась, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого Существа»...

Вотъ какъ комментируетъ эту цитату Шестовъ: «Не знаю, нужно ли послѣ всего вышесказаннаго, еще доказывать, что въ этихъ словахъ вылилась самая глубокая, самая завѣтная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая трепетная и тревожная мысль Достоевскаго. Въ который уже разъ стоитъ онъ, забывъ и себя

и все на свѣтѣ передъ чашками страшныхъ вѣсовъ; на одной огромная, безмѣрно тяжелая природа съ ея принципами и законами, глухая, слѣпая, нѣмая; на другую онъ бросаетъ свое невѣсомое, ничѣмъ не защищенное и не охраненное «самое важное» и съ затаеннымъ дыханіемъ ждетъ; какая перетянетъ».

Вѣроятно современный кризисъ сознанія заключается въ томъ, что люди стали забывать «самое важное», забывать послѣднюю цѣль всѣхъ усилий человѣческой жизни — чтобы «самое важное» перетянуло тяжесть глухой природы съ ея принципами и законами.

Повидимому, начиная съ разсказа о сотворенномъ изъ глины Адамѣ, въ котораго Богъ вдохнулъ душу, существуетъ среди людей нѣкоторое дуалистическое представленіе о составѣ человѣка: Человѣкъ находится между двумя формами существованія: жизнью и мертвой матеріей. Въ «эволюціонъ креатристъ» Бергсонъ разсказываетъ, какъ жизнь, являющаяся сознаніемъ и свободой, входитъ въ косный міръ механической, не имѣющей исторіи матеріи подчиненный слѣпымъ и, равнодушнымъ законамъ причинности и необходимости и стремится его потрясти и побѣдить. Жизнь какъ бы пробуетъ всѣ средства борьбы и приспособленія, и въ формѣ человѣческой технической цивилизаціи стремится къ побѣдѣ надъ механической природой міра при помощи же механизмовъ, искусственно построенныхъ машинъ, то есть какъ бы пользуется оружіемъ врага. Человѣкъ единственное живое существо, способное создавать орудія изъ «мѣди и желѣза» и единственное живое существо, обладающее геометрическимъ умомъ. Повидимому этотъ умъ есть такое же механическое орудіе, такая же машина, какъ напримѣръ рѣзецъ или молотъ, и такъ же какъ рѣзецъ или молотъ былъ «изобрѣтенъ» въ процессѣ приспособленія и борьбы и предназначенъ для совершенія утилитарныхъ дѣйствій надъ мертвой матеріей.

И такъ: умъ и машины и необходимое для развитія ума и строенія машинъ общество — только средства борьбы человѣка за существованіе, послѣдняя же цѣль этой борьбы, чтобы перевѣсило «самое важное».

Но постепенно это представленіе стало извращаться въ сознаніи людей.

Наблюдая несостоятельность всѣхъ метафизическихъ системъ и рядомъ съ этимъ огромные успѣхи технической цивилизаціи, люди невольно стали приходить къ мысли, что если человѣческій умъ не можетъ постигнуть что такое жизнь, свобода, Богъ и въ то же время вполне успѣшно приспособленъ для совершенія утилитарныхъ дѣйствій, то можетъ быть вся реаль-

---

ность человеческой жизни и исчерпывается совершеніемъ этихъ дѣйствій, а «самое важное» Плотина и такія сомнительныя и туманныя вещи какъ любовь, свобода, Богъ и т. д. — только напрасное и вредное мечтаніе. Люди какъ бы отказываются отъ наслѣдства Авеля. Потомки же Каина, даръ котораго былъ не угоденъ Господу, построили первый человѣческій городъ и были первыми ковачами всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза. Теперь повсемѣстно побѣждаетъ предположеніе, что все дѣло человѣчества и сводится къ строенію города и орудій, къ строенію «громадной машины новѣйшаго устройства». Жертва же Авеля, которую презрѣлъ Богъ, но которая въ сущности не нужна для устройства на землѣ, окончательно признается не научной и вредной, «буржуазнымъ предрасудкомъ».

Собственно коммунизмъ есть только доведеніе до логическаго конца этого «каиновскаго» пониманія: если дѣйствительно все человѣческое дѣло сводится къ строенію городовъ и машинъ, то это строительство должно быть организовано наиболѣе рациональнымъ, дѣловымъ и научнымъ образомъ: все человѣчество должно быть превращено въ единую трудовую армію, дѣйствующую по всемірному «пятилѣтнему плану». вмѣстѣ съ тѣмъ является новое представленіе о доблести человѣка. Если вся реальность человѣка сводится къ участію въ этомъ строительствѣ, то въ душѣ человѣка должно быть уничтожено все то, что является ненужнымъ или даже вреднымъ для эффективности этого участія, т. е. всякія чувства, романтизмъ и т. д. Героємъ станетъ или организаторъ работъ (Фордъ, Сталинъ) или инженеръ. Герой этотъ тѣмъ совершеннѣе и доблестнѣе, чѣмъ полнѣе въ его душѣ будетъ убитъ Абель и уничтожены всякія чувства, понятія добра и зла, «проклятые» вопросы, тоска по дереву жизни, желаніе свободы и безсмертія и побѣды «самаго важнаго», вся эта интеллигенщина, пенужная и можетъ быть даже вредная для осуществленія настоящаго назначенія человѣка: строеніе машинъ. Представленіе же, что человѣкъ имѣетъ живую душу окончательно будетъ признано вреднымъ пережиткомъ христіанскаго романтизма и замѣнится новымъ научнымъ представленіемъ: человѣкъ есть производное отъ коллектива, механической работъ и вся реальность человѣка исчерпывается матеріальной и соціальной эффективностью его дѣйствій. «Радуйтесь, вы стали машиноравными» провозглашаютъ правители въ «Мы», Замятина.

Дѣйствительно, радуйтесь: новый герой будетъ счастливѣе стараго, онъ не будетъ испытывать страданія, такъ какъ именно «самое важное», ничѣмъ не защищенное отъ неумолимаго и глухого звѣря природы съ ея принципами и законами и является источникомъ страданій, а въ новомъ героѣ

останется только «геометрический умъ» (то есть часть состава человѣка вполнѣ «индентичная» природѣ), подчиненный тѣмъ же законамъ и принципамъ и такъ же, какъ математическія истины или механическая машина не могущій ни плакать, ни смѣяться.

Говоря о томъ, что коммунизмъ есть доведеніе до логическаго конца этого, уже давно и повсемѣстно побѣдившаго, каиновскаго представленія о жизни человѣка, я вовсе не хотѣлъ сказать, что всѣ большевики отдають себѣ въ этомъ отчетъ. Луначарскій, напримѣръ, плача надъ Афинскимъ Акрополемъ, говорилъ, что большевики тоже какъ древніе греки за свободу человѣка. Но неизвѣстно даже, были ли за свободу древніе греки. Тѣмъ менѣе это извѣстно о большевикахъ. Важно то, что марксизмъ, гегельянство, историческій матеріализмъ, вся та апологетика «общественности» изъ которой вышли водители большевизма, есть доведеніе до конца уже давно зрѣвшихъ въ человѣческихъ умахъ идей общественной религіи, механистическаго и рационалистическаго человѣка и каиновскихъ града и орудій изъ мѣди и желѣза.

Конечно, культура, вообще человѣческое дѣло борьбы за свободу и жизнь противъ таящей въ себѣ смерть «безмѣрно тяжелой природы съ ея принципами и законами», не можетъ существовать безъ города и механическихъ орудій. И въ этомъ смыслѣ самый идеалъ организациі всего человѣчества въ справедливую трудовую армію, дѣйствующую по единому плану, есть великій и праведный идеалъ, и «святой инженеръ» Федорова можетъ быть дѣйствительно является высшимъ образцомъ человѣческой доблести. Но эта «бѣлая магія» города и машинъ», именно при забвеніи жертвы Авеля и торжествѣ «общественности», несетъ въ себѣ возможность превращенія въ черную, превращенія изъ средствъ борьбы за жизнь и свободу въ «громадную машину новѣйшаго устройства», бессмысленно поглощающую и жизнь и свободу и великое и безцѣнное существо. Было бы слишкомъ долго говорить объ этомъ. Сошлюсь на Бергсона или на «Атлантиду» Мережковскаго. Тамъ объ этомъ говорится. Говорится и у многихъ другихъ авторовъ. Это одна изъ самыхъ распространенныхъ теперь темъ.

Вѣроятно, дѣйствительно человѣчество теперь вступаетъ въ одинъ изъ періодовъ такого превращенія. Во всякомъ случаѣ есть страшная и реальная угроза превращенія и здѣсь произойдетъ борьба за человѣческія души.

Какъ я уже говорилъ, эмигрантская литература самымъ «фактомъ» разговоровъ о «внутреннемъ», выброшенномъ изъ «общественности» человѣкѣ, принимаетъ какое - то участіе въ этой борьбѣ.

Очень часто и много говорилось о томъ, что эмигрантская литература, оторванная «отъ тѣла своего народа», неизбежно должна задохнуться. Какъ единственный выходъ указывалось «духовное» соединеніе съ совѣтской литературой.

По существу, этотъ совѣтъ сводится къ неосуществимому требованію: отказаться отъ защиты сущности и отъ пережитого опыта «задыхающагося» человѣка и теоретически примкнуть къ чужому реально непережитому опыту принудительнаго участія въ огромномъ строительствѣ града и орудій изъ мѣди и желѣза. Въ большинствѣ случаевъ это совѣтъ опортунистическій, стремленіе приспособиться къ «духу времени» и, благодаря этому, выжить. Къ чести эмигрантскихъ молодыхъ авторовъ, нужно сказать, что, повидимому защита того, что они считаютъ «самымъ важнымъ» ихъ занимаетъ больше чѣмъ желаніе выжить и никто изъ нихъ еще не дѣлалъ попытокъ приспособиться къ духу времени.

Долго казалось, что эмигрантская и совѣтская литературы находятся на «разныхъ полюсахъ земли» и что голый герой первой и служащій обществу, служащій до истребленія своей сущности, герой второй есть разные виды живыхъ существъ.

Создалась особая демагогическая формула:

Эмигрантскій герой, это тотъ о комъ сказано — кто станетъ сберечь душу свою, тотъ погубитъ ее.

Герой совѣтскій: о немъ сказано — нѣтъ больше той любви, если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.

Въ этой формулѣ есть неотразимое и страшное обвиненіе противъ эмигрантскаго героя, но въ то же время, какъ во всякой схемѣ, какое то искажающее правду упрощеніе.

Я вѣрю, что въ этихъ словахъ есть главный смыслъ ученія Христа. Вѣрю и въ то, что сейчасъ въ Россіи многіе готовы положить свою душу. (Вѣроятно именно эта готовность и дѣлала то, что всегда русскій народъ, несмотря на все «окаянство», былъ христіанскимъ народомъ и какъ бы самымъ любимымъ Христомъ народомъ). Но врядъ ли правы тѣ, кто дѣлаютъ отсюда послѣдныя и демагогическіе выводы въ пользу того, что Толстой называлъ «общественной» религіей. Все таки сказано: сбережетъ душу тотъ, кто потеритъ ее ради Меня. Ради Меня и сбережетъ, а не ради безсмертнаго коллектива, діалектическаго материализма, «общественности», вообще всего огромнаго каиновскаго плана сліянія съ мертвой природой со всѣми ея принципа-

---

ми и законами «поглощающей глухо и безчувственно великое и безцѣнное Существо» и вмѣстѣ съ Нимъ всѣ человѣческія души, которыя никакъ не сберегутся.

Но объ этомъ невозможно говорить въ предѣлахъ хотя бы и длинной статьи на литературныя темы.

Мнѣ нужно ограничиться указаніемъ на то, что въ послѣднее время произошли какія - то явленія, распатывающія стройность этой схемы.

Съ появленіемъ «Зависти» Олеси въ совѣтской литературѣ, призванной воспѣвать строеніе «хрустального зданія», вдругъ воскресъ раздавленный подпольный человѣкъ и опять заговорилъ «я самый гадкій, самый смѣшной, самый мелочный, самый завистливый, самый глупый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ». И можетъ быть, если встрѣтятся когда нибудь совѣтскіе и эмигрантскіе писатели, то совѣтскихъ будутъ интересоватъ не тѣ эмигрантскіе, которые стремясь «духовно» съ ними соединиться, будутъ имъ говорить о Марксѣ, о генеральной линіи, о «хрустальномъ зданіи» (на это они скажутъ — мы это знаемъ лучше, чѣмъ вы), а тѣ, кто будутъ съ ними говорить о раздавленныхъ чувствахъ внутренняго человѣка.

Но въ то же время въ холодѣ и пустотѣ сердца эмигрантскаго героя стало являться новое волненіе. Онъ какъ будто бы сталъ оглядываться вокругъ себя и «душа его страданіями людей уязвлена стала». Цѣлый рядъ выступленій извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ эмигрантскихъ молодыхъ людей съ литературной душой свидѣтельствуетъ, что эмигрантскій герой тоже хочетъ быть за социальную справедливость и за братское общечеловѣческое дѣло.

Вѣроятно духовное соединеніе эмигрантской и совѣтской литературы сможетъ призойти только тогда, когда совѣтская литература перестанетъ быть служанкой «общественности», а эмигрантскій герой пойметъ что «поэтомъ можешь и не быть, но гражданиномъ быть обязанъ». То - есть, когда явится какая - то новая идея, примиряющая правду Авеля и правду Каина и какой - то новый градъ для служенія, которому не нужно будетъ убивать Авеля и предавать «самое важное».

Но это произойдетъ, конечно, только въ случаѣ хорошаго конца.